

К. Вульф

ПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОГО: РИТУАЛ, ЭМОЦИИ, ВОСПОМИНАНИЯ

Публикуются две лекции, прочитанные Кристофом Вульфом в Санкт-Петербургском государственном университете 11 мая 2010 г. В первой лекции раскрывается значение ритуалов в процессе производства социального. Подчеркивается роль ритуалов в современной культуре, рассматривается их перформативный характер, описываются берлинские исследования ритуала. В форме обсуждения основных функций ритуалов для производства социального намечается интегрированная теория ритуала. Вторая лекция посвящена тому, как в ритуале с помощью миметических и перформативных процессов возникают эмоции и воспоминания. Формирование эмоций и воспоминаний рассматривается на примере глобализированного медийного ритуала похорон Майкла Джексона.

Ключевые слова: ритуал, перформативность, мимесис, эмоции, воспоминания.

Key words: ritual, performativity, mimesis, emotions, memories.

ЛЕКЦИЯ 1. ПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОГО В РИТУАЛЕ И С ПОМОЩЬЮ РИТУАЛА*

К наиболее действенным формам человеческой коммуникации и взаимодействия относится ритуал, понимаемый как действие, в котором ведущую роль играют инсценирование и представление человеческого тела. С помощью ритуалов создаются сообщества и организуются переходы внутри сообщества и между сообществами. В отличие от ис-

---

* Лекция, прочитанная в Санкт-Петербургском государственном университете, 11 мая 2010 г.

ключительно речевых форм коммуникации ритуалы являют собой социальные композиции, в которых учреждаются порядок и иерархия в совместном социальном действе и его интерпретации.

Ярким примером того, какую коммуникативную силу имеет ритуал, является смерть и погребение папы Иоанна Павла II. За короткий промежуток времени было инсценировано и проведено множество ритуалов, на которые приехали в Рим миллионы людей, чтобы лично, физически присутствовать и принять активное участие в ритуальных событиях. У многих людей благодаря этому возникли сильные эмоции и чувство тесной связанности. Медийное инсценирование и представление этого ритуала создало медиареальность, одновременно воспринимаемую и переживаемую сотнями миллионов людей по всему миру. Такая форма участия вызвала во многих людях сильные чувства и дала повод обменяться мнениями со своими близкими, друзьями и знакомыми о том, как понимать эти ритуальные события. Таким образом, миллионы людей заговорили друг с другом о религии и смерти, о смысле жизни, о духовной и политической власти церкви и пр. Даже если эти люди не принимали участия в ритуале непосредственно, все же они были вовлечены в толкование и классификацию предъявляемых образов ритуального события через восприятие и усвоение медиареальности. Так возникло ограниченное во времени сообщество различных людей из разнородных культур.

История и ритуал

В исторической перспективе в международном исследовании ритуалов можно выделить четыре направления, которые демонстрируют, насколько определяющими для исследования ритуала являются предпосылки и основоположения самого исследования.

В первом изучение ритуала помещает во главу угла взаимосвязь религии, ритуала и мифа (Джеймс Фрэйзер, Рудольф Отто, Мирча Элиаде). Во втором ритуал служит анализу структур и ценностей общества; здесь вырабатывается связь между ритуалами и социальными структурами (Эмиль Дюркгейм, Арнольд ван Геннеп, Виктор Тёрнер). В третьем подходе ритуалы прочитываются как тексты с целью раскрытия социальной и культурной динамики общества, а также изучения значимости ритуальной практики для культурной символизации и социальной коммуникации (Клиффорд Гирц, Маршалл Салинс). Большинство из новейших исследований практики ритуалов и ритуализаций работают именно над этим (Кэтрин Белл, Рональд Граймс, Виктор Тёрнер), они подготавливают следующее, четвертое направление. Здесь акценты ставятся на практической и инсценированной перформативной стороне ритуала;

в центре внимания оказываются формы ритуального действия, позволяющие сообществам генерировать, компенсировать и улаживать различия и разногласия (Стэнли Тембайа, Рихард Шехнер, Пьер Бурдьё).

Ритуалы в современной культуре

В современной политической ситуации, характеризующейся дискуссиями о распаде социального, утрате ценностей и поиском культурной идентичности, ритуалы и ритуализации приобретают все большее значение. Долгое время ритуалы тематизировались преимущественно с точки зрения их стереотипности, ригидности и насилия. Теперь же за ними признается функция моста между индивидами, сообществами и культурами. Сегодня ритуалы оказываются формой производства социальной сцепки, благодаря своему этическому и эстетическому содержанию они должны гарантировать безопасность в эпоху нестабильности. Ритуалы обещают восполнить опыт утраты общности, идентичности и аутентичности, порядка и стабильности, который связан с тенденцией все большей индивидуализации, а также с явлениями абстрагирования и виртуализации, с эрозией социальных и культурных систем (Soeffner 1992).

Ритуалы обязательны в учреждении и практиковании религии, общества и сообщества, политики и экономики, искусства и культуры, воспитания и образования. С их помощью мир и человеческие взаимоотношения получают свой порядок и интерпретацию; в ритуалах они переживаются и конструируются. Ритуальные действия устанавливают связь между историей, настоящим и будущим; в них заложена возможность непрерывности и изменений, структуры и сообщества, а также опыта перехода и трансцендентности.

Поскольку ритуалы являются инсценированием и исполнением тела, то они чаще всего имеют больший социальный вес, нежели чистая дискурсивность. Действующие ритуально люди своей телесностью вносят в социальную ситуацию «больше», чем просто речевая коммуникация. Это «больше» заложено в материальности тела и в экзистенции человека, основанной на его телесности, его сиюминутном телесном присутствии и уязвимости. В ритуалах благодаря инсценированию и представлению перерабатываются различия и создается общность. Происходит это не только коммуникативно-речевым, но и телесно-материальным образом. Люди инсценируют себя, свое отношение к другим и создают социальное (пространство), в котором все это представляют. В инсценировании и представлении социального они создают его. Они создают порядки, которые часто иерархичны. В них выражаются отношения власти — между представителями различных слоев, между

поколениями и полами. Поскольку эти отношения власти получают выражение и представляются в телесной композиции, они приобретают видимость естественности и всеми принимаются. Поскольку ритуальная композиция приглашает к «подыгрыванию», то она ведет к тому, чтобы принять артикулированный в ней порядок и отношения власти как данные. Тот, кто не принимает приглашения «подыграть», выделяется, исключается и может стать козлом отпущения и тем самым превратиться в проекцию негативности и насилия (Girard 1982).

Перформативность ритуала

Для возникновения социального в ритуале принципиальное значение имеет характер его инсценирования и представления, его перформативный характер. Если речь идет о перформативности ритуала, то это понятие включает в себя три измерения.

Во-первых, ритуал можно понимать как коммуникативное культурное представление. Как таковое оно есть результат инсценировок и процессов телесного изображения, в ходе которых возникает композиция ритуальных сцен, в которых участники ритуала исполняют различные задачи. Когда они, говоря и действуя, вступают в отношения между собой, то они создают все вместе ритуальные сцены. Так же, как произведения искусства и литературы, эти ритуалы можно понимать как результат культурных действий, в ходе которых разнородные общественные силы приводятся в единый приемлемый порядок.

Во-вторых, большое значение в ритуальных действиях имеет перформативный характер языка. Это становится отчетливо видно, например, в ритуалах крещения и причастия, перехода и вступления в должность, при исполнении которых существенная роль в создании новой социальной реальности отводится высказанным словам. То же самое верно и для ритуалов, организующих отношения между полами или вырабатывающих половую идентичность с помощью повторяющихся обращений к ребенку как к «мальчику» или «девочке».

И, наконец, в-третьих, перформативность включает эстетическую размерность, основополагающую для художественного перформанса. Эта перспектива указывает на границы исключительно функционального рассмотрения перформативности ритуальных действий. Как эстетическое рассмотрение художественного перформанса не сводит его к интенционально обусловленному действию, так и здесь оно напоминает нам о том, что ритуал «больше», чем просто осуществление интенций. К этому «больше» ритуального действия относится и способ, которым действующие в ритуальной композиции люди достигают своих целей.

Несмотря на одинаковую интенциональность часто при инсценировании телесного исполнения ритуала обнаруживаются заметные различия. Причина в общих условиях — исторических, культурных и социальных, — а также в частных, связанных с уникальностью действующих лиц. Взаимодействие обеих групп факторов задает перформативный характер языкового, социального и эстетического действия в ритуальной инсценировке и представлении. Событийность и процессуальность ритуала обозначают границы его предсказуемости и возможности его точно распланировать. При учете эстетической составляющей становится очевидным значение стиля ритуального представления. Ясно вырисовывается различие между сознательной интенциональностью и многими значимыми размерностями сценических композиций тела. Перформативный характер ритуальных действий дает повод для различных толкований и пониманий, без чего ритуальные композиции потеряли бы свое воздействие. Существенная часть их эффекта как раз в том и состоит, что одни и те же ритуальные действия могут быть по-разному интерпретированы, не разрушая при этом социальной магии самого ритуала.

Социальная коммуникация в существенной мере зависит от того, как люди размещают свои тела в ритуальном действии, какую телесную дистанцию выбирают, какую позу они принимают, какие жесты используют. Этими знаками они многое сообщают другому о себе. Они делятся с другим своим ощущением жизни, своим способом видеть, чувствовать и переживать мир. Несмотря на принципиальную роль этих аспектов *телесной перформативности* для эффекта социального действия, они отсутствуют во многих традиционных теориях ритуала, все еще редуцирующих действующих (людей) к их когнитивной стороне и пренебрегающих их чувственными и контекстуальными условиями. Чтобы избежать этой редукции, нужно исследовать, как проявляется социальное действие, как оно связано с речью и воображением, как благодаря общественным и культурным образцам возможна его уникальность и как соотносятся его событийный характер и повторяющиеся аспекты (Wulf 2005).

Берлинские исследования ритуала

Какую роль играют ритуалы в возникновении социального в жизни людей сегодняшнего общества? Внести вклад в ответ на этот вопрос призваны запланированные на 12 лет исследования ритуала в Берлине, которыми мы занимаемся вот уже 8 лет (Wulf et al 2001; 2004). Центр внимания этих исследований сосредоточен на значении ритуала в воспитании и образовании и в жизни детей и подростков. Для этого были

изучены ритуалы четырех областей социализации: семьи, школы, детско-юношеской культуры и медиа. Мы исследовали детей и их семьи одной из начальных школ Берлина. Это обычная городская школа центрального района: примерно триста детей из 25 различных этнических групп. В этой школе практикуется ориентированная на реформы образования модель ЮНЕСКО-школы с заслуженным директором школы и весьма увлеченным и заинтересованным коллективом учителей.

В этой школе были привлечены к сотрудничеству и *семьи* учеников, ритуалы которых и были исследованы. Сюда относятся маленькие ритуалы семейного завтрака, каждое утро удостоверяющие членам семьи их взаимопринадлежность. К семейным ритуалам относятся также детские дни рождения. В эти дни дети, для которых все члены семьи собираются вместе, независимо от того, в каких отношениях родительская пара, оказываются центром внимания и чествуются. Одновременно детский день рождения — это важный праздник для сверстников и их сообщества, инсценируемого в ходе этого праздника. Самый важный ритуал из циклически повторяемых семейных ритуалов — это Рождество, во время которого семья инсценирует и представляет себя во взаимосвязи с рождением Христа и единством «святого семейства». Также к сохраняющим и обновляющим семью ритуалам относится ежегодный семейный отдых, во время которого отступают будни и заново переживается опыт, напоминающий о райской мечте.

То, что *школа* — это ритуальное мероприятие, в котором приобретает основополагающее знание о взаимосвязи институции и ритуала, а также об иерархии и структурах власти, довольно очевидно. Это отчетливо проявляется уже самими празднованиями начала школьного обучения и выпускного бала, во время которых ритуально инсценируются и представляются эти переходы. При поступлении в школу исследованная нами ориентированная на реформы школа инсценировала себя как «школьная семья» с той целью, чтобы облегчить первоклассникам переход из мира семьи и детского сада в мир школы. Ритуалы, с помощью которых создаются как сообщество класса, составляющее большую часть повседневного мира школьников, так и сообщество школы, разнообразны. Так, ритуальные летние, зимние и праздничные каникулы относятся к повседневности школьного класса и школы, в которой принципами формирования занятий и школьной жизни являются беседы, работа, игра и праздник. Наряду с вышеназванными ритуалами в повседневности занятий и школьной жизни можно обнаружить множество микроритуалов, в которых инсценируются и представляются взаимодействия между детьми и между учителями и детьми. Например, каждый понедельник утром во всех классах проходит «утренний круглый стол»,

во время которого дети в течение нескольких минут рассказывают друг другу о том, как они провели выходные. С помощью этого ритуала осуществляется переход между семейным жизненным миром детей в выходные и социальными требованиями и требованиями успеваемости в школе. Другой ритуал, открываемый учителем ударом гонга, состоит в том, чтобы 5 минут практиковать медитативное молчание, задание, которое очень нравится многим детям, но которое они считают нелегким. Ученики и учителя инсценируют обучающий образовательный и воспитательный процесс в ритуалах и ритуализациях и тем самым перерабатывают различия между интенциями школьников и интенциями школы как институции.

В детской и подростковой культуре социальное также развивается из ритуала и в ритуале. Это можно увидеть на переменах в играх детей на школьном дворе, когда кого-то исключают из игры или, наоборот, включают в игру. При этом важными критериями являются тип игры, половая или этническая принадлежность. В инсценировках игр на перемене создаются социальные группы, существующие потом продолжительное время и в разной степени открытые для включения в них вновь приходящих детей. Среди подростков популярны группы брейк- и стрит-данса с их ритуалами, практикуемыми в местах, отведенных для подростков. Исследованные нами LAN-Parties, когда молодежь собирается в большом зале, чтобы поиграть в компьютерные игры, также имеют четкую ритуальную игровую и групповую структуру.

В ритуалах, относящихся к *медиа*, мы исследовали прежде всего ритуальные медиаинсценировки, т. е. мы пытались разобраться, какое влияние на мир представлений детей, на их воображаемое оказывают ритуализированные медиа-представления, такие, как реклама, новостные сообщения, ток-шоу и криминальные фильмы. Чтобы выяснить, какое влияние оказывают такие телевизионные эпизоды на поведение и действия детей, мы предложили им в добровольно созданной рабочей группе создать фильм, в котором одни из них были бы актерами, другие режиссерами и операторами. В этой кино съемке детей было интересно наблюдать, сколь сильно ритуальные структуры немецкого телевидения задают коллективное воображаемое вопреки всяким этническим границам. Сейчас мы исследуем, какие процессы обучения имеют место благодаря введению компьютеров в официальный и негласный учебный план школы.

О методе: в исследовательском поле мы работаем качественными методами, с помощью которых мы ставим вопросы исследования близко к предмету, пытаясь далее развивать их в ходе реконструкции и оценки эмпирического материала. Основой для нас стала обоснованная тео-

рия (grounded theory) (Glaser, Strauss 1969; Strauss, Corbin 1994) с ее предложением понимать теорию как процесс и следующими из этого рекомендациями собирать, кодировать и анализировать информацию. Поскольку в центре нашего внимания оказывается перформативный характер процессов обучения и воспитания в ритуалах, то мы выбирали методы исследования, с помощью которых мы, с одной стороны, могли что-то узнать о характере инсценирования и представления ритуальных действий, а с другой, сохранить информацию о том, какое значение придают ритуалу его участники и как они понимают и интерпретируют процессы обучения и воспитания, осуществляющиеся в этих ритуалах. Чтобы реализовать первую цель, мы применяли как *включенное наблюдение*, так и *наблюдение через видеозапись*. Чтобы справиться со второй поставленной задачей, нами были организованы многочисленные *групповые дискуссии* и проведены *интервью*. В зависимости от метода была получена различная информация, которая была по-разному кодирована и интерпретирована. Учитывая принципиальную ограниченность любого метода исследования и известные преимущества и недостатки каждого из методов, мы попытались во многих случаях одни и те же ритуальные действия исследовать с помощью пересекающихся или дублирующих друг друга методов (Flick 2004; Bohnsack 2003). На разных этапах нашего исследования названные подходы были применены в различных соотношениях, в зависимости от постановки вопросов и структуры поля исследования.

Взаимодействие и ритуал

Социальные общности устанавливаются благодаря вербальным и невербальным формам ритуализированного взаимодействия. Ритуальные композиции исполняются, словно «на сцене», только таким путем инсценирования и представления производятся различные формы единения и интимности, солидарности и интеграции сообщества. Сообщество отличает себя не только символическим знанием, разделяемым всем коллективом, но еще более — коммуникативным действием, в котором оно инсценирует и исполняет это знание в ритуале и тем самым выражает самопредставление и воспроизводство социального порядка. Сообщество — это драматическое поле действий, учреждаемое ритуалом как символическим инсценированием в общем пространстве опыта, и это поле образует коммуникативную и интерактивную систему (Wulf 2005).

Люди взаимодействуют в ритуальных действиях и композициях и с их помощью. Ритуалы телесны, перформативны, экспрессивны; они символические, регулярные, не инструментальные, эффективные; они имеют по-

вторяющийся, однородный, ограниченный во времени и пространстве, игровой, публичный и операциональный характер; ритуалы — это институциональные образцы, в которых инсценируются и исполняются коллективно разделяемое знание и коллективно разделяемая практика и в которых получают подтверждение самопредставление и самоинтерпретация общественного порядка.

У ритуальных действий есть начало и конец, т. е. временная структура коммуникации и взаимодействия. Они происходят в социальном пространстве, они придают ему вид, формируют его. Ритуальные процессы воплощают и конкретизируют институты и организации. Ритуалы имеют сакральный (выделяющий из будней) характер, они остенсивны и определяются соответствующим обрамлением (Goffman 1974). В них оформляются переходы между социальными ситуациями и институтами и сглаживаются различия между людьми (Ikonologie des Performativen 2005).

Основные функции ритуалов

У ритуала много различных функций, хотя полностью он к ним не сводится. Его значение для возникновения социального можно тезисно раскрыть в 10 пунктах, которые одновременно представляют *in nuce* интегрированную теорию ритуала (Die Kultur des Rituals 2004):

1. *Социальное как ритуал.* Сообщества немислимы без ритуалов; ибо они складываются и изменяются в ритуальных процессах и практиках и с их помощью. Через символическое содержание форм взаимодействия и коммуникации и, прежде всего, через перформативность процесса взаимодействия и генерирования значения ритуалы гарантируют и стабилизируют само сообщество. Сообщества — причина, процесс и последствие ритуальных действий. Ритуальное обрамляет специфические практики в повседневной жизни так, что благодаря их ограниченности неопределенное трансформируется в определенное поведение, поэтому ритуалы формируют относительно надежное, гомогенизированное течение событий. Связанные с этим техники и практики служат для того, чтобы необходимые исполнения повторялись, управлялись и контролировались, чтобы были обозримы необходимые для процедуры средства и ресурсы и предсказуемы воздействия и помехи.

Социальные, институционализированные и неформальные сообщества характеризуют себя не только общим пространством коллективно разделяемого символического знания, но и, прежде всего, ритуализированными формами взаимодействия и коммуникации, в которых и которыми это знание инсценируется. Эти инсценирования можно

понимать как попытки гарантировать самопредставление и воспроизводство социального порядка и единства, установить коммуникативное символическое знание и создать пространство взаимодействия и драматическое поле действия. Ритуалы эмоционально, символически и перформативно производят сообщества; они являются полем инсценированного и экспрессивного действия, в котором происходит взаимная настройка участников с помощью миметических процессов, их миров восприятия и представления, и при этом полное согласование и нивелирование многозначности ритуальной символики целью не становится. Ритуалы нацелены на создание общности, поскольку они гарантируют интеграцию интерактивных действий.

2. *Ритуал как власть порядка.* Как образцы коммуникативного действия ритуалы формируют специфическую упорядоченность, конвенциональность и правильность, которые задают сообществу горизонт практического знания и восприятия. При этом не важно, возникает ли ритуал из социального порядка или же наоборот, ритуал генерирует социальный порядок. Ритуалы — это телесные практики, определяющие формы опыта, мышления и воспоминания, редуцирующие или расширяющие их, канализирующие и деформирующие. Поэтому ритуалы создают особую форму реальности. В ритуалах речь идет не об истине, а о правильном действии. Правильность совместного действия означает, что участники ритуала могут декодировать символичность ситуации по определенным, созданным ритуалом правилам. Ритуалы нацелены на правильность и потому — на порядок совместного действия, которое является обязательным для всех участников. Если в основе общности ритуального действия лежит структурная асимметрия, то ритуалы могут быть использованы для приспособления, манипулирования и подавления. Тогда они опускаются до чисто стереотипного и ритуализированного модуса поведения и инсценирования.

3. *Производство идентичности в ритуале.* Если ритуал акцентирует переход в пространственном, временном или социальном отношении, то речь идет о *ритуале перехода* (van Genep 1981). В нем прежде всего проявляется функция ритуала производить идентичность и позволять трансформацию. Возможность инноваций и трансформаций обусловлена символическим и перформативным характером ритуала, его креативной, творящей действительностью стороной. На примере обрезания или поступления в школу можно показать, что здесь речь прежде всего идет о снятии и переработке разницы. В ритуалах идентификации или назначения предпринимается попытка превратить человека в того, кем он уже является. Поэтому ритуалы перехода имеют парадоксальную структуру. В них производится новый порядок, фиксируется новое состояние, по-

является новая социальная действительность, которая выглядит так, как будто она естественна, и потому от нее трудно дистанцироваться и сопротивляться ей. Во многих из этих ритуалов речь идет о «призыве» или о приписывании некоей компетенции, некоего умения. Ритуалы идентификации — это перформативные действия, производящие то, что они называют, благодаря тому, что они призывают человека к умению, которым он до сих пор не обладал, и при этом одновременно признают его таким, каким он должен только стать. В этом процессе возникает социальное бытие через приписывание, называние и категоризацию.

4. *Ритуал как воспоминание и проекция.* Ритуалы служат тому, чтобы снова и снова удостоверять настоящее сообщества, через повторение подтверждать его вневременной и неизменно действующий порядок и его потенциал к трансформации и, наконец, чтобы длить его. Ритуалы нацелены в той же мере на инсценирование непрерывности, вневременности и неизменности, как и на процессуальность, проективность и ориентацию на будущее сообщества. Ритуалы образуют синтез социальной памяти и общественной проекции будущего. В ритуализированном обращении со временем возникает временная компетенция и социальная компетенция. Хотя временные ритуализации — это медиум социального общежития, но в индустриальном обществе ритуальный порядок времени структурирует и всю жизнь. Время ритуала — это общее присутствие членов сообщества, время которого самим ритуалом разделяется еще раз на временные последовательности. Так, ритуальные действия определенные воспоминания востребуют, а другие, наоборот, предадут забвению. Повторение становится средством для упражнения в практическом знании. Благодаря их повторяющейся структуре они сигнализируют о прочности и неизменяемости, а их инсценирования создают и контролируют социальную память. Ритуальные представления транслируют события прошлого в настоящее, а в качестве настоящего они могут стать настоящим опытом. С помощью работы ритуала по воспоминанию устанавливается связь между настоящим, которому угрожает забвение, и тем прошлым, которое значимо для сообщества как традиция и как история. Ритуалы потому продолжают развиваться, что их невозможно никогда провести точно так же, но всегда только миметически, и поскольку в этом миметическом процессе уже самим повторением заложен творческий потенциал (Gebauer, Wulf 1998).

5. *Ритуал как преодоление кризисов.* Когда общество достигают разногласия и оно переживает кризисную ситуацию, то ритуалы также необходимы. Ведь они организуют относительно надежный однородный процесс, в ходе которого сообщества могут договориться, например, в случае ритуалов перехода, предполагающих опыт изоляции и интегра-

ции. Ритуалы могут служить достижению коммуникативного согласия о новой, выходящей за рамки повседневности и воспринимаемой как угроза ситуации. При этом они не образуют никакой инструментальной композиции действий и не могут быть применены как техническое средство для преодоления какой-то конкретной проблемы. Сила, созданная в коллективном ритуальном действии, превышает возможности отдельно взятого человека и ведет к созданию сообщества и к солидарности. Кризисные ритуалы, такие, как нахождение и жертвование козла отпущения, предоставляют возможность канализировать и отводить от сообщества социальное насилие (Violence. Nationalism, Racism, Xenophobia 1997).

6. *Ритуал как магическое действие.* В ритуалах с помощью коллективно исполняемых практик разучиваются и репетируются ситуации, которые в «реальных» жизненных ситуациях не совсем подконтрольны и управляемы. Поэтому ритуалы можно считать композицией, редуцирующей сложность, с помощью которой человек, проводя разделительную линию и устанавливая дистанцию, вступает в отношения со своим «внешним». При этом он думает, что перформативные и миметические силы, развиваемые в ритуале, воздействуют не только на внутреннее, но и на внешнее, на «действительность». Так, в ритуале человек становится «другим» или же относит себя как такового к «совершенно другим». Эта инаковость, с одной стороны, поддерживается символикой, которая допускает трансформацию опыта к той или иной, например, социальной или религиозной плоскости, а с другой, может быть вызвана совместным перформативным действием и может производить новую действительность. Так, сакральное в ритуальном взаимодействии гарантирует организующуюся солидарность и в качестве принципа различения учреждает границы и табу, времена и пространства, предметы и действия как крайне значимые. Сакральное можно понимать как представление специфической формы трансцендентной действительности и могущества, которое относится к предметам, действиям, текстам, людям и сообществам и которое сопровождается чувствами почтения и благоговения, а также кодексом правил, норм и табу. Сообщество, по всей видимости, существует за счет сакрального, причем ритуальное обращение с сакральным берет на себя функцию интеграции, формирования размежеваний и обменов сообщества. Ведь в основе ритуала лежит специфическая вера в трансцендентное, сакральное сообщества, придающее ему определенную надежность и посвященность и тем самым гарантированность ожиданий. Поэтому для сообщества велико значение сакральных празднеств.

7. *Ритуал как средство переработки различий.* Ритуалы — действенная система сглаживания различий. Тем, что они обеспечивают един-

ство интерактивной связанности действий, они одновременно нацелены на интеграцию и образование сообщества. Понятие перформативного сообщества указывает не только на процессуальное, органическое или естественное единство, эмоциональную сплоченность, символическую систему смыслов или на коллективное согласие в отношении системы ценностей, но и на ритуальный образец взаимодействия. Задаваясь вопросом о том, как производятся, получают свое подтверждение и изменяются сообщества, мы помещаем в центр внимания формы ритуальной инсценировки, телесные и речевые практики, пространственный и временной контекст, а также формы миметической циркуляции. При этом сообщество в меньшей степени оказывается гомогенным, интегративным и аутентичным близким пространством, а скорее подвижным и спорным полем напряжений, разграничений и процессов урегулирования. Под перформативным сообществом понимается ритуализированное пространство действий и опыта, характеризующееся инсценируемыми, миметическими, игровыми элементами и элементами власти. (Wulf et al. 2004).

8. *Ритуал как инициатор миметических процессов.* Ритуальное действие никогда не создает простую копию прежде исполнявшихся ритуалов. В основе каждого представления ритуала лежит новая инсценировка, ведущая к модификации прежних ритуальных действий. Между прежним, настоящим и будущим ритуальным действием существует миметическое отношение, которое, отсылая к прошлому, создает новое действие. В миметических процессах устанавливаются связи с миром ритуала. Часто они основаны на отношении подобия, которое состоит в похожести повода, действующих лиц и социальных функций ритуала. Однако важно не подобие, а установление связи с другим миром. Если ритуальное действие соотносено с прежними и проводится подобно им, то есть желание сделать нечто как ритуально действующее, с которым соотносишь себя и которому уподобляешься. В основе этого желания жажда стать как другие, но при этом одновременно отличаться от них. Несмотря на эту жажду уподобления, остается потребность в отличии и самобытности (Gebauer, Wulf 1998; Wulf 2005). Динамика ритуала одновременно стремится к повторению и различию, и тем самым производит энергию,двигающую инсценирования и представления ритуальных действий. При повторении речь идет о том, чтобы в миметическом процессе как бы снять «отпечаток» с прежних социальных действий и поместить его в новую ситуацию. Повторение социального действия никогда не ведет к точному воспроизведению, а всегда создает новую ритуальную ситуацию, в которой различие по отношению к прежней выступает конструктивным элементом. Эта динамика является причи-

ной продуктивности ритуальных действий. Сохраняя преемственность, ритуальное действие предоставляет пространство прерывистости, дискретности. Ритуальные композиции позволяют добиться пропорционального соотношения непрерывности и прерывности. Важную роль в обращении с социальными образцами и схемами играют при этом ситуативные условия индивидов и групп, организаций и институций.

9. *Ритуал как генератор практического знания.* Чтобы действовать в социальном отношении компетентно, нужно скорее не теоретическое, а практическое знание. Оно учит человека действовать адекватно и соответствовать требованиям в различных социальных ситуациях, институциях и организациях. Обучение практическому знанию большей частью происходит в миметических процессах, в которых человек принимает образы, ритмы, схемы и движения ритуальных композиций в свой мир представлений. С их помощью представляются и исполняются необходимые в новых условиях ритуальные действия. Миметическое усвоение приводит действующих к практическому знанию, которое можно переносить на другие ситуации. Ритуальный характер этого усвоения вызывает то, что миметически приобретенное знание практикуется, развивается и изменяется в повторениях. Инкорпорированное таким образом практическое знание имеет исторический и культурный характер и как таковое открыто к изменениям (Wulf 2004; «Rituels» 2005).

10. *Ритуал как производство субъективности.* Долгое время ритуальность и индивидуальность противопоставляли и только относительно недавно признали, что в современном обществе это не так. Действие индивидов — это результат практического социального знания, развитие которого требует ритуальных композиций. Это, конечно, не значит, что между обществом и индивидом нет напряжений и конфликтов, слишком выражены неснимаемые различия между ними. Но обе стороны взаимно обусловлены. Полноценная индивидуальная жизнь возможна, только если индивид в состоянии компетентно действовать и коммуницировать в сообществе. Точно так же сообщество нуждается в индивидах, способных социально компетентно вести себя и приобретать и развивать эти способности в ритуальных композициях.

Итог

Ритуалы создают социальное; они формируют сообщества, в рамках которых люди развиваются. Они необходимы в семье, школе, в детской и юношеской культуре, а также в медиа. Для институций и организаций они играют конституирующую роль. Ритуалы выполняют функции не только сохранения, но и изменения и даже инновации. Слишком долго

эту социальную динамику ритуала упустили из вида, теперь же перед исследователями открываются новые перспективы.

Перевод с немецкого Г. Хайдаровой

Литература

Bohnsack R. Rekonstruktive Sozialforschung. Einführung in qualitative Methoden. Opladen, 2003.

Die Kultur des Rituals / Wulf C., Zirfas J. (Hg.) München: Wilhelm Fink, 2004.

Flick U. Triangulation. Eine Einführung, Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004.

Gebauer G., Wulf C. Spiel, Ritual, Geste. Mimetisches Handeln in der sozialen Welt. Reinbek: Rowohlt, 1998.

Gennep van A. Les Rites de passage. Paris: Picard, 1981.

Girard R. Le bouc émissaire. Paris: Frasset et Fasquelle, 1982.

Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory. Chicago: Chicago University Press, 1969.

Goffman E. Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience. New York: Harper & Row, 1974.

«Rituels» / eds. C. Wulf, G. Boëtsch // Hermès. n. 43. 2005.

Ikonomie des Performativen / Wulf C., Zirfas J. (Hg.). München: Wilhelm Fink, 2005.

Soeffner H.-G. Die Ordnung der Rituale. Frankfurt/M: Suhrkamp, 1992.

Strauss A., Corbin J. Grounded Theory: An Overview // Handbook of Qualitative Research / Denzin N., Lincoln Y. (eds.) Thousand Oaks, 1994. pp. 273–285.

Violence. Nationalism, Racism, Xenophobia / Dieckmann B., Wulf C., Wimmer M. (eds.) Münster: Waxmann, 1997.

Wulf C. Anthropologie. Geschichte, Kultur, Philosophie. Reinbek: Rowohlt, 2004.

Wulf C. Zur Genese des Sozialen: Mimesis, Performativität, Ritual. Bielefeld: Transcript 2005.

Wulf C. et al. Das Soziale als Ritual. Zur performativen Bildung von Gemeinschaften. Opladen: Leske und Budrich, 2001.

Wulf C. et al. Bildung im Ritual. Schule, Familie, Jugend, Medien. Wiesbaden: VS, 2004.

ЛЕКЦИЯ 2. МИМЕТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЭМОЦИЙ И ВОСПОМИНАНИЙ В РИТУАЛАХ*

В своем выступлении я хотел бы показать, сколь принципиальна роль миметических и перформативных процессов в возникновении эмоций и воспоминаний в ходе ритуалов. После разъяснения важнейших для моей аргументации понятий я хотел бы продемонстрировать на

---

* Лекция, прочитанная в Санкт-Петербургском государственном университете, 11 мая 2010 г.

примере похорон Майкла Джексона, как ритуалы порождают эмоции, которые будут вспоминаться участниками в силу их уникальности и интенсивности. На этом примере я покажу, что ритуалы имеют большое значение при формировании эмоций и воспоминаний. Это верно и для религиозных ритуалов и церемоний, празднеств, для ритуалов перехода и повседневных ритуалов, придающих жизни человека порядок и смысл. Многие эмоции и воздействия, создаваемые в ходе повседневных ритуалов, не осознаются; хотя они составная часть памяти, но они не становятся доступны в воспоминании. Тем не менее, для выработки индивидуальной и коллективной идентичности они имеют принципиальное значение, поскольку создают компетенции, которыми мы обладаем, но возникновение которых в ходе ритуального процесса обучения забываем.

Память и воспоминания, эмоции и ритуал

Память и воспоминания, эмоции и ритуал тесно связаны друг с другом. Ритуал — это важная социальная практика, которая вписывает эмоции в память и служит тому, чтобы эмоции вспоминались. Память только отчасти доступна воспоминаниям. Как память, так и воспоминания селективны. По каким критериям происходит выбор, что удерживают или реконструируют память и воспоминания? Ясно, что мы не вольны решать, что зафиксируется в нашей памяти и что мы сможем вспомнить. Решающую роль для памяти и воспоминаний играет забывание. Только с помощью забвения возможен выбор содержаний памяти и воспоминаний. *Память совершает выбор событий, пережитых в течение какого-то времени. Воспоминание выбирает в определенном моменте времени то, что из всего содержания памяти нужно осознать, т. е. вспомнить* (Hahn 2010; Warum Menschen... 2006; Mnemosyne 1991; Halbwachs 1952).

То, что мы вспоминаем и что забываем, зависит не только от нас. В существенной мере это определяется актуальными жизненными обстоятельствами и социальными отношениями. Память и воспоминания складываются во взаимодействиях с другими людьми, институтами, культурными продуктами (*Gedächtnis und Bildung* 1998). Как показывают многие исследования, эти процессы начинаются уже в детстве. Они охватывают *память рутинных телесных умений, первичную основную память*, содержащую многие неосознанные восприятия, а также *перцептивную память*, гарантирующую согласованность восприятий, и *семантическую память*, содержащую независимое от контекста освоенное знание. Наконец, людям свойственна *автобиографическая память*, которая отличает их от животных и к которой в первую очередь обращены акты воспоминания (см., напр., Tulving 2006).

Воспоминания — это конструкции сознания. Они миметичны: вспоминаящий-себя соотносится с сохраненным в его памяти содержанием и реконструирует его. При этом возникает воспоминание, которое хотя и подобно событию прошлого, но не идентично ему. Воспоминания различаются в разные моменты времени. Настоящее человека, его жизненные условия определяют то, *что* и, прежде всего, *как* он вспоминает. *Миметический характер воспоминания означает, что совершается отсылка к событию, запечатленному в памяти, и в акте воспоминания происходит уподобление прошлому событию. В зависимости от момента времени и контекста результат уподобления будет различным.* Если нам грустно, то нам не удастся вспомнить счастье радостного события по-настоящему, как счастье. Скорее даже воспоминание о прошлом радостном событии из-за нашего плохого настроения станет приглушенным. Поэтому представленное прошлое всегда иное, нежели «фактическое» прошлое. Воспоминания о прошлом подвержены влиянию настоящего.

Сартр однозначно указывал на то, что образы воспоминаний и проекции будущего иные, нежели образы восприятия (Sartre 1986). Последние проявляются пластичнее и «реальнее», первые же менее «реальны», и мы должны с помощью воображения уберечь их от исчезновения и изменения. Только в случае всплывающих из глубин памяти независимо от наших интенций воспоминаний (*mémoire involontaire*) эти воспоминания могут достичь такой эмоциональной интенсивности, которая перекрывает эмоциональную интенсивность образов восприятия.

То, что человек вспоминает, зависит не только от него. Это в равной мере зависит от культуры, сообщества и общества, в которых он живет. Значительную часть нашей памяти и многие из наших воспоминаний мы разделяем с другими людьми. Коллективные воспоминания формируют сообщества, обсуждаемые совместно воспоминания создают общности. *Сообщества возникают в ритуалах и благодаря им и в силу порождаемых этими ритуалами эмоций.* В коллективной памяти мы разделяем предметы и события с другими людьми. У них те же воспоминания, что и у нас. Когда мы обмениваемся этими воспоминаниями, то ощущаем себя частью сообщества, отличающего себя от других сообществ. Это могут быть такие сообщества, как семья, институция, организация, в которой человек работает. Многие из этих коллективных воспоминаний связаны с событиями, в которых мы не участвовали, мы могли еще не родиться, или же они могли происходить в другом месте. Благодаря повторению рассказов, социальному инсценированию, образам и эмоциям воспоминания об этих событиях освежаются, что является коллективной отправной точкой для членов сообщества, воплощение которой порождает сообщество. Благодаря тому, что некоторые события забываются

ся, а другие вспоминаются, определенные нормы и ценности, связанные с событиями и действиями, приобретают силу и эффект конституирования сообщества, другие же, напротив, исключаются.

В образовании общества ведущая роль отводится ритуалу. Ритуал можно понимать как действие, в котором главным является *инсценирование и телесное исполнение*. С помощью ритуалов не только создаются сообщества, но и организуются переходы внутри и между сообществами. В отличие от исключительно речевых форм коммуникации ритуалы представляют собой социальные композиции, в которых в совместном социальном действии и его интерпретации создаются порядок и иерархия (Turner 1969, 1982; Geertz 1973; Schechner 1977; Tambiah 1979; Goffman 1986; Grimes 1995). *Спектр ритуальных действий простирается от религиозных ритуалов (литургий), церемоний, празднеств, и ритуализаций и конвенций, включая ритуалы перехода, такие как заключение брака, рождение и смерть, до интерактивных ритуалов повседневности*. В зависимости от вида ритуала различаются и создаваемые ими эмоции. Религиозные ритуалы порождают духовные эмоции, в которых часто играет роль выход из сиюминутности к более «высокому» миру. В таких церемониях, как государственный визит, инсценируются политическая власть и почтение, создаются связанные с этим эмоции. В ритуалах празднования инсценируются и исполняются соответствующие эмоции. Известный пример тому — празднование Нового года в Китае. Здесь играют роль чувства счастья, благодарности, надежды и безудержного веселья (Wulf 2005; 2006a; 2006b).

В *ритуализациях и конвенциях* повседневности также очень важны ритуальные композиции. С их помощью институты вписывают свои нормы и ценности в тело участников или адресатов. Перформативный и повторяющийся характер ритуальных композиций приводит к тому, что возникает *практическое знание*, позволяющее людям взаимодействовать друг с другом в ритуальной обстановке. Это знание, возникающее в ритуализациях и конвенциях, а также связанные с этим эмоции не столь примечательны, как эмоции в религиозном или церемониальном ритуале. Тем не менее, они тоже важны. Они ведут к тому, что знание и эмоции создают в памяти условия, имеющие принципиальное значение для переживания эмоций и формирования ритуальной компетентности. Рассмотрим в качестве примера обучение плаванию. Благодаря ритуализации процесса обучения возникает компетентность в плавании, умение плавать. Она укрепляется в памяти и позволяет нам в будущем плыть. В отличие от воспоминания события здесь приобретается компетентность, возникающая из множества ритуальных процессов обучения, каждый из которых в деталях невозможно вспомнить. То же самое верно

для обучения речи и письму, для которых совершенно необходимы ритуализации.

Поскольку ритуал как комплексный социальный феномен является предметом многих научных дисциплин, то в международных исследованиях ритуала нет общей приемлемой теории или определения ритуала. Слишком различны позиции в различных науках. В зависимости от предметной области, дисциплины и методического подхода подчеркиваются различные аспекты ритуала. Однако на сегодняшний день есть общепринятое единодушие в том, что не стоит сводить всю полноту и богатство перспектив к одной-единственной теории. Скорее напротив, нужно тематизировать многообразие точек зрения и тем самым выявлять комплексность ритуала и его исследований.

В связи с растущим значением индивидуализации и самоопределения в современных обществах довольно часто можно встретить мнение, что ритуалы сегодня излишни и могут быть заменены другими социальными практиками. Такая точка зрения не выдерживает критики даже при применении традиционного понятия ритуала. Как и прежде, общественная жизнь невозможна без ритуалов и ритуализаций, поскольку всякая трансформация, всякая реформа институции или организации должна сопровождаться изменениями ритуала. Ритуал — это исторический и культурный продукт, в восприятии которого происходит наложение культуральности социальных феноменов и историчности самого исследования ритуала (Wulf 2009; Vom Menschen 2010; Wulf 2002). Ритуалы являются также конструкциями исследований, в которых социальные практики мыслятся и анализируются как ритуалы (Wulf et al. 2001; 2004; 2007; 2010).

Похороны Майкла Джексона: медийный глобализированный ритуал

Далее я хотел бы на примере ритуала похорон Майкла Джексона показать, как ритуал создает эмоции и как эти эмоции становятся частью коллективной памяти, общей для многих миллионов людей в различных частях мира. При этом речь идет об относительно новом типе ритуала и эмоций, возникновение которых стало возможным только с распространением в процессе глобализации новых медиа. Этот ритуал является *гибридом*, он был бы невозможен без кино, ТВ, Интернета и мобильного телефона; этому ритуалу удалось с помощью различных медиа сплотить миллионы людей на несколько часов в единое глобальное похоронное сообщество. Более чем 30 миллионов телезрителей в США, сотни миллионов телезрителей во всем мире смотрели ритуал похорон. В Берлине нашлось более 10 тысяч человек, собравшихся вместе на О₂-арене оплакивать смерть поп-звезды.

Было бы интересно провести исследование, как символически, коммерчески и медиально создавалась *глобальная икона* Майкла Джексона, как упрочивалось ее значение и интегрировалось в глобальное воображаемое. Многие молодые люди идентифицируют себя с «поп-королем» и обретают смысл и чувства в сплоченности фан-сообщества. Принципиальное значение для создания во всем мире фан-клубов имеет не только музыка Джексона, но и его ритуализированные *перформансы*. Лунная походка, «*moonwalk*» Майкла Джексона — знаменитый пример его способности создавать в высшей степени успешный ритуальный перформанс своей музыки (Die Kultur des Rituals 2004; Ikonologie des Performativen 2005).

Многие приехали в Лос-Анджелес чтобы посмотреть на церемонию прощания и бросить взгляд на катафалк с останками Майкла Джексона. 11000 фанов могли принять участие в траурной церемонии в Стейплс Центре Лос-Анджелеса. Они отбирались лотереей из сотен тысяч желающих. Труп человека с бледной кожей, острым носом, в блестящих перчатках лежит в позолоченном, покрытом шелком гробу, его окружают дети, братья и сестры. Присутствовали афроамериканские певцы Мария Кери, Лайонел Ричи, Стиви Уандер, в другом случае каждый из них сам по себе уже был бы сенсацией. Бэрри Горди, основатель звукозаписывающей компании Мотаун (Motown), выразил то, что чувствовали многие из присутствующих: «Когда он исполняет лунную походку, для меня это шок. Это магия ... Он исчез на орбите и никогда уже не вернется». Заклинающие слова: Майкл Джексон наконец окончательно принят в сонм богов. И немного позднее преподобный Эль Шарптон обращается к детям Джексона и говорит: «В вашем отце не было ничего странного. Станным было то, с чем ваш отец сталкивался». Забыты подозрения в растлении детей. Мертвый идеализируется. Мария Кери обещает: I'll be there, Стиви Уандер поет «Never Dreamed You'd Leave in Summer». На арене в Берлине тысячи людей взяли за руки и поют вместе со стоящими в Лос-Анджелесе у гроба членами семьи Джексон: «We Are the World», следующей за «Heal the World». Наконец последние слова, плача навзрыд, говорит 11-летняя дочь Джексона Пэрис: «Ты был лучшим отцом».

Семья Джексон, афроамериканские певцы и режиссеры траурной церемонии стилизовали этот ритуал в торжественное афроамериканское самопредставление. Упорные старания Майкла Джексона, чтобы его воспринимали *не* как афроамериканца, изменение для этого цвета кожи, усилие избыть свое происхождение из бедных социальных слоев, преодолеть свою карьеру ребенка-звезды, чтобы в конце концов ускользнуть от своей семьи, — были враз сведены на нет. Поп-король не хотел

быть отмеченным как черный. Его целью было творить музыку вне цвета кожи. Так же, как в случае принцессы Дианы, вскоре после его смерти поползли слухи, будто Майкл Джексон, который за несколько дней до своей смерти еще репетировал программу для своего гастрольного тура, предполагающую более 50-ти выходов, был убит.

Такие глобальные инсценированные медийные ритуалы характеризуются несколькими признаками, отличаясь от ритуалов *face to face* повседневной жизни. В силу медийности их инсценировки люди во всех уголках мира могут одновременно принимать в них участие. Благодаря этому возникает ограниченное во времени ритуальное глобальное сообщество в высшей степени различных людей. В случае похорон Майкла Джексона все реальные и виртуальные участники у телеэкранов сплотились в единое похоронное сообщество. Мотивами для этого среди прочих были:

- отношение к глобальной иконе Майкла Джексона, социального и культурного выдвигенца и маргинала;
- отношение к его музыке, соединяющей людей в *опыте потока*;
- инсценирование его *перформансов* с их магически собирающим сообщество характером;
- удовольствие и воспоминание о чувственных экстатических моментах и связанных с ними надеждах на интенсификацию индивидуальной и коллективной жизни;
- сопротивление бренности и смерти в ритуальном единении с живущими ныне во всем мире людьми.

Такие глобальные ритуалы точечны, ограничены временем и местом; они совершаются вновь в иных конstellациях, по поводу других глобальных икон. Точно так же обстоит дело с возникающими в них гетерогенными сообществами. Но, в отличие от этих спонтанно образующихся ритуальных сообществ, ритуалы, как правило, способствуют созданию сообществ и стабилизируют и упрочивают их благодаря повторению своих перформативных практик. Сообщества конституируются, развиваются, сохраняются и изменяются в ритуальных взаимодействиях.

Миметическое производство эмоций

Эмоциональная интенсивность этого ритуала складывается из многих наслаивающихся друг на друга элементов. Из них я хотел бы в дальнейшем подробнее остановиться на трех: (1) момент смерти и продолжения жизни; (2) перформативный элемент ритуальной инсценировки; (3) роль миметического процесса в усилении чувств в этом ритуале поминовения.

Смерть и продолжение жизни

Многие ритуалы происходят в переходные моменты человеческой жизни. Это «ритуалы перехода», «rites de passage» (van Gennep 1960). Среди них особенно важны рождение, свадьба, смерть. Погребение и поминки служат тому, чтобы научиться обходиться с брэнностью человеческой жизни. Ритуалы оформляют переход между жизнью и смертью во всех культурах. Перед лицом неизбежности смерти похоронный ритуал служит тому, чтобы время от времени воскрешать в сознании человека мысль о конечности жизни и способствовать его подготовке к смерти. Если человек умирает в молодом возрасте или при непредвиденных трагических обстоятельствах, то для оставшихся в живых особенно отчетливой становится хрупкость их жизни. В случае Майкла Джексона драматизация его смерти происходит потому, что комментаторы ритуала снова и снова подчеркивают, что смерть настигла его тогда, когда он как раз интенсивно работал над программой своего гастрольного турне. Повторение этого комментария снова и снова фиксирует непредсказуемость и неожиданность смерти, против которых человек не может защититься и которые его поэтому особенно беспокоят.

Так же, как смерть принцессы Дианы, смерть Майкла Джексона стала примером внезапной смерти, которая в высшей степени обостряет эмоции людей. Конечно, когда глобальное инсценирование такого ритуала похорон сводят к интерпретации такого типа, что живущие пытаются хотя бы на несколько часов продлить жизнь умершего, а себя в такой совместной инсценировке и исполнении ритуала удостоверить в качестве живущих, то такая интерпретация поверхностна.

В таком медиальном инсценировании Джексон как образ, как икона присутствует среди участников похоронного ритуала, несмотря на свою смерть, попирая ее. Участники ритуала воспринимают его как образ, как *икону*. Большинство из участвующих в ритуале людей со всего мира видели его еще до его смерти только в форме образа, так, что для их непосредственного восприятия немного изменилось. В качестве иконы Джексон пережил свое брэнное тело и продемонстрировал сообществу возможность, как он, по крайней мере, в качестве образа, может остаться в живых. Тем самым происходит то, что семь тысячелетий назад привело к первым изображениям людей. Эти ранние образы людей являются изображениями умерших, с их помощью сообщество представляло себе людей, ушедших из жизни. Благодаря тому, что эти образы репрезентировали умерших, они, как и сегодня, смягчали боль утраты и служили утешением.

Мысль, что Джексон как икона живет всех живых, в особенности внушают образы лунной походки, *moonwalk*. В иконологическом отношении многочисленны переключки с вознесением Христа. Поэтому не-

удивительно, что в интервью с участниками ритуала наряду с выражением скорби и растерянности встречаются выражения надежды на то, что икона Майкла Джексона и его музыка пребудет вечно.

Как и во многих похоронных ритуалах, в ритуале похорон Майкла Джексона происходит наложение скорби, потери и уверенности в том, что жизнь живущих продолжается. Наложение разнородных эмоций можно показать на многих примерах во время инсценирования и исполнения похоронного ритуала, когда, например, Мария Кери и Стиви Уандер поют «I'll be there» и «Never Dreamed You'd Leave in Summer» или когда тысячи людей простирают руки на арене в Берлине и поют вместе с семьей Джексон, стоящей у гроба Майкла в Лос-Анджелесе. Более ясно выразить эту смесь эмоций скорби, надежды и чувства взаимопринадлежности было бы невозможно.

Без сомнений, инсценирование этого похоронного ритуала — это спектакль, немаловажную роль в котором играют экономические интересы. Упомянем только один характерный пример: неоднократно сообщалось, что песни гастрольного тура Короля поп-музыки через несколько месяцев поступят в продажу.

Перформативность ритуалов

В международных исследованиях ритуала существует давняя дискуссия о том, что первично, миф или ритуал. Столь же интенсивна дискуссия о том, как следует понимать взаимосвязь тела и эмоций. Поскольку производство эмоций в ритуалах связано с их (ритуалов) перформативным характером, т. е. с инсценированием и представлением тела, то налицо тесная взаимосвязь между телом и эмоцией. Особенно интересна при этом связь между движением (*motion*) и эмоцией, проявляющаяся уже этимологически. В ритуале похорон Джексона также ясно видно, насколько важен для эмоционального воздействия ритуала способ его инсценирования и представления, то, *как* он исполняется.

Инсценирование этого похоронного ритуала связывает многочисленные разнородные элементы, относящиеся к прошлому, настоящему и будущему, и эти элементы вызывают у участников неоднозначные, а часто и противоречивые эмоции. В этом ритуале играют роль три аспекта перформатива: 1) перформативный характер языка: предложения, которые становятся действием, как, например, процитированные выше слова Бэрри Горди. То же самое относится к декламируемым песням афроамериканского певца «I'll be there» и «Never Dreamed You'd Leave in Summer», произносимым как магическое заклинание. Эти песни являются перформативными инсценированиями разлуки, боли, сплоченности и солидарности.

С помощью инсценирования похоронного ритуала как культурного исполнения сценически собирается и представляется идеализированный и стилизованный образ Майкла Джексона. Вопреки истине Джексон выставляется как борец за права афроамериканцев; клан Джексон в искажающем истинное положение дел самоинсценировании представляет себя как счастливое семейство. То, что не вписывается в инсценирование этого идеализированного образа, как, например, финансовые распри членов клана, — вытесняется. Инсценируется не то, что есть, а то, что желательно. *Наивная идеализация и сознательный обман служат тому, чтобы вызвать эмоции почитания, преклонения и солидарности, что, в свою очередь, важно для экономического успеха мероприятия.*

Для эмоционального воздействия ритуала, в том числе и похоронного, важна эстетическая сторона перформатива, как мы знаем из художественного перформанса. Инсценирование должно нравиться; оно должно быть впечатляющим и своим эстетическим качеством производить воздействие на зрителей. Эстетическая компонента придает перформативному характеру ритуала дополнительное измерение, которое при чисто функциональной и причинно-обусловленной трактовке было бы упущено. Именно этот эстетический аспект больше всего воздействует на интенсивность эмоций (Grundlagen des Performativen 2001; Die Pädagogik des Performativen 2007).

Миметическое производство эмоций и воспоминаний

Хотя все вышеизложенные идеи относятся к ритуалу похорон Майкла Джексона, из них можно вывести следующие положения, претендующие на общезначимость в отношении аналогичных ритуалов. Сначала эмоции возникают потому, что участники ритуала соотносят себя миметически со всей ритуальной композицией похоронного ритуала, который разыгрывается как инсценирование и исполнение. У всех зрителей, непосредственно присутствующих и тех, кто по всему миру связан с этим событием через медиа, складывается миметическая соотнесенность, в ходе которой инкорпорируется разыгрываемое на сцене ритуальное событие. Участники ритуала одновременно и запечатлевают событие, и включают его в собственный ментальный мир (Gebauer, Wulf 2005). Тем самым этот ментальный образ приобретает эмоциональное развитие и воздействие (Dynamics and Performativity of Imagination 2009). В миметическом преображении сцены ритуальной композиции начинают воздействовать на воображаемое человека. Здесь они связываются с предшествующими образами и опытом и вызывают (высвобождают) ощущения, настроение, эмоции.

Миметический импульс направлен не только на умершего Майкла Джексона и его виртуальный или воображаемый образ, но и на других людей, участвующих в ритуале, на их поведение, на перформативность их телесных движений и жестов. В акте ментального конструирования уподобляющегося поведения в воображаемом участников ритуала воссоздаются соответствующие сценические композиции и связанные с ними эмоции, и при этом они вызывают подобные же реакции и эмоции. Поскольку эти реакции и эмоции имеют место одновременно у многих людей, то возникает *заражение эмоциями и нарастание их интенсивности*. Происходит миметическое усиление индивидуальных эмоций благодаря эмоциям других людей. Возникает поток эмоций, циркуляция, охватывающая участников ритуала. Избежать этого захватывающего водоворота эмоций можно только сознательным выходом из ритуала. Эту заразительную сторону миметического процесса можно наблюдать при смехе или плаче. В случае ритуала похорон из-за миметического заражения чувствами происходит их усиление. Ярким примером тому может быть многократно наблюдавшаяся в этой связи массовая истерия (Ricoeur 1983–1985; Gebauer, Wulf 1998; 2003; 2005; Wulf 2005; Mimesis, Poiesis, Performativity in Education 2007).

Миметическое заражение в ритуалах и связанная с этим циркуляция эмоций является основой для создания в ритуале *чувства сплоченности и социальной связанности*. Без этого эмоционального созвучия между участниками ритуала, возникающего вследствие миметического уподобления, ритуалы не способствовали бы созданию социальной когерентности сообщества. В случае похорон Джексона процесс создания сообщества распространяется с помощью новых медиа на весь мир. Возникающее в этом процессе сообщество имеет временную ограниченность. Когда закончится событие, образующее точку кристаллизации сообщества, то и сообщество распадется. У индивида сохранится воспоминание о событии, в ритуальном и эмоциональном формировании которого он участвовал.

Возникающие в таких миметических процессах эмоции хотя и подобны друг другу, но не тождественны (Logik und Leidenschaft 2002). В зависимости от своих индивидуальных историй жизни, условий и жизненных перспектив люди по-разному переживают такие события. Сюда же нужно добавить существенные культурные различия, к примеру, различные представления о смерти. Если сравнить китайские, индийские и европейские представления о смерти, то это станет очевидным. Культурно, регионально и индивидуально складывающееся расхождение эмоций заметно даже для базовых эмоций, таких, как печаль (Wulf 2006a).

Итог

Интенсивность возникающих в ходе ритуала эмоций способствует тому, чтобы инсценированное событие лучше запомнилось. Это знание о взаимосвязи ритуала, эмоций и воспоминаний ведет, например, к повторяющейся инсценировке религиозного ритуала в местах христианского паломничества в Европе, в исламских святых местах в арабском мире и в великих индуистских храмах в Индии. Другая сфера, где проявляется эта взаимозависимость, обнаруживается в ежегодно повторяющихся ритуалах празднования дня основания (независимости) государства. В некоторых из этих ритуалов инсценируется и представляется радость, счастье и благодарность. Эти эмоции в миметическом процессе охватывают участников ритуала и зрителей и вписываются в их память. В силу их особого характера такие ритуальные события в большинстве своем хорошо запоминаются. Благодаря ритуальному повторению и возникающим при этом эмоциям эти события сохраняются от забвения; одновременно благодаря повторению оживляется и укрепляется идентификация с фундаментальным событием. Повторяющийся характер ритуала гарантирует, что событие вспоминается и актуализируется, чтобы подрастающее поколение могло идентифицировать себя с этим событием. С помощью возникающих при этом эмоций подрастающее поколение интегрируется в созданное ритуалом сообщество. Для некоторых особых, но постоянных повседневных ритуалов верно то, что с помощью миметического процесса в них приобретает знание о том, как действовать. Это инкорпорированное имплицитное знание. Как таковое оно содержит имплицитные способы действия ценности и нормы, а также социальные и другие умения. Значительная часть приобретенного таким образом практического знания — это часть памяти, она может быть активирована, инсценирована и исполнена в новой ситуации без интенционального акта припоминания требующихся для этого умений. Поэтому центральной задачей межкультурного междисциплинарного антропологического исследования является дальнейшее изучение взаимосвязи между ритуалом, мимесисом, эмоциями и воспоминаниями, а также сопоставление при этом универсальных и исторически и культурно разнообразных перспектив.

Перевод с немецкого Г. Хайдаровой

Литература

Die Kultur des Rituals / eds. C. Wulf, M. Göhlich, J. Zirfas. München: Wilhelm Fink, 2004.

Die Pädagogik des Performativen / eds. C. Wulf, M. Göhlich, J. Zirfas. Weinheim and Basel: Beltz, 2007.

Dynamics and Performativity of Imagination. The Image between the Visible and the Invisible / eds. B. Huppau, C. Wulf. New York: Routledge, 2009.

Gebauer G., Wulf C. Spiel, Ritual, Geste. Mimetisches Handeln in der sozialen Welt. Reinbek: Rowohlt, 1998.

Gebauer G., Wulf C. Mimetische Weltzugänge. Soziales Handeln, Rituale und Spiele – ästhetische Produktionen. Stuttgart: Kohlhammer, 2003.

Gebauer G., Wulf C. Mimesis: Culture — Art — Society. Berkeley: California University Press, 2005.

Gedächtnis und Bildung / eds. B. Dieckmann, S. Sting, J. Zirfas. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1998.

Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.

Gennep A van. The Rites of Passage. Chicago: The University of Chicago Press, 1960.

Goffman E. Frame Analysis. An Essay of the Organization of Experience. Boston: Northeastern University Press, 1986.

Grimes R. Beginnings in Ritual Studies. Columbia: University of South Carolina Press, 1995.

Grundlagen des Performativen. Eine Einführung in die Zusammenhänge von Sprache, Macht und Handeln / eds. C. Wulf, M. Göhlich, J. Zirfas. Weinheim and München: Juventa, 2001.

Hahn A. Körper und Gedächtnis. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.

Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: P.U.F., 1952.

«Rituels» / eds. C. Wulf, G. Boëtsch // *Hermès*. 2005. No. 43.

Ikonologie des Performativen / eds. C. Wulf, M. Göhlich, J. Zirfas. München: Wilhelm Fink, 2005.

Logik und Leidenschaft / eds. C. Wulf, D. Kamper. Berlin: Reimer, 2002.

Mimesis, Poiesis, Performativity in Education / eds. S. Suzuki, C. Wulf. Münster/ New York: Waxmann, 2007.

Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung / eds. A. Assmann, D. Harth. Frankfurt/M.: Fischer, 1991.

Ricoeur P. Time and Narrative I-III. Chicago and London: University of Chicago Press, 1983–1985.

Sartre J.-P. L'imaginaire: Psychologie phénoménologique de l'imagination. Paris: Gallimard, 1986.

Schechner R. Essays on Performance Theory 1970–1976. New York: Drama Book Specialists, 1977.

Tambiah S. A Performative Approach to Ritual // Proceedings of the British Academy. 1979. No 65. Pp. 113–163.

Tulving E. Das episodische Gedächtnis // Warum Menschen sich erinnern können / eds. H. Welzer, H.J. Markowitsch. Stuttgart: Klett-Cotta, 2006. Pp. 50–77.

Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969.

Turner V. From Ritual to Theatre. The Human Seriousness of Play. New York: PAJ Publications, 1982.

Vom Menschen. Handbuch Historische Anthropologie / ed. C. Wulf. Weinheim and Basel: Beltz, 2010.

Warum Menschen sich erinnern können / eds. H. Welzer, H.J. Markowitsch. Stuttgart: Klett-Cotta, 2006.

Wulf C. Anthropology of Education. Münster and New York: Lit., 2002.

Wulf C. Zur Genese des Sozialen: Mimesis, Performativität, Ritual. Bielefeld: transcript, 2005.

Wulf C. Anthropologie kultureller Vielfalt. Interkulturelle Bildung in Zeiten der Globalisierung. Bielefeld: Transcript, 2006a.

Wulf C. Praxis // Theorizing Rituals. Issues, Topics, Approaches, Concepts / Ed. J. Kreinath, J. Snoek, M. Stausberg. Leiden and Boston: Brill, 2006b. Pp. 395–411.

Wulf C. Anthropologie. Geschichte, Kultur, Philosophie. Köln: Anaconda, 2009.

Wulf C. et al. Das Soziale als Ritual. Zur performativen Bildung von Gemeinschaften. Opladen: Leske und Budrich, 2001.

Wulf C. et al. Bildung im Ritual. Schule, Familie, Jugend, Medien. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004.

Wulf C. et al. Lernkulturen im Umbruch. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2007.

Wulf C. et al. Gesten in Erziehung, Bildung und Sozialisation, Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.